

Е. Т. Гурвич

Экономическая экспертная группа, Москва

Пенсионная политика в долгосрочной перспективе – общий взгляд

На пенсионную систему можно смотреть под разными углами. Есть мгновенный снимок текущего состояния, который показывает, насколько полно она охватывает работников, какова связь между пенсией и заработной платой, велик ли уровень бедности среди пенсионеров и т.д. И есть долгосрочный взгляд, который должен обращать внимание прежде всего на источники финансирования пенсий, на динамику их общего уровня, на эволюцию соотношения между пенсиями и заработной платой. Важны оба аспекта, но все-таки они неодинаково важны – должна быть логическая последовательность в их применении. Образно можно сравнить пенсионную систему с домом – важна и прочность конструкции, и ее функциональность, но если прочность нового дома рассчитана на одну неделю, то функциональность уже не имеет значения. Поэтому если с точки зрения долгосрочной устойчивости пенсионная система приемлема, можно переходить к следующему уровню ее анализа. Если нет – то нужно возвращаться к устройству несущей конструкции.

К сожалению, у нас не всегда выполняется такое логическое соотношение в обсуждении. За ограниченностью объема статьи сосредоточусь на долгосрочном аспекте, хотя считаю важным и краткосрочный. Излагаемые соображения основаны на статье, написанной совместно с А.Л. Кудриным (Кудрин, Гурвич, 2012).

Если говорить о долгосрочном анализе, первый вопрос: при каких условиях пенсионная система может считаться работоспособной? Я бы предложил такой критерий – пенсионная система должна устойчиво действовать в течение достаточно долгого времени в ожидаемых демографических условиях. Что такое «достаточно долгое время»? По своей сути пенсионная система должна проверяться на времени, которое охватывает трудовую жизнь человека и пребывание на пенсии. То есть для нас это 50–60 лет. Анализ на более коротком временном интервале всегда будет неполным.

Дальше. Что такое устойчивость? На мой взгляд, это понятие сейчас (и в нашей стране, и в международной практике) часто трактуется очень узко – как способность пенсионной системы выполнять свои формальные обязательства. Жизнь показывает, что этого недостаточно. Если даже система выполняет свои формальные обязательства, но неприем-

лема для пенсионеров либо для работников, ее нередко просто реформируют. Как известно, в России за последние 10 лет проведены две серьезные реформы, в других странах пенсионные механизмы тоже все время изменяются. Поэтому мне кажется очень важным учитывать политэкономический аспект. Пенсионная система должна считаться устойчивой, если она в достаточной степени обеспечивает интересы всех участников. То есть и тех, кто финансирует пенсии, и тех, кто получает это финансирование. Только при этом условии можно надеяться на длительное сохранение пенсионного механизма.

Говоря о долгосрочной устойчивости, мы должны учитывать важное тождество. Если принять, что система финансируется только за счет пенсионных взносов (у нас это не так, но суть дела принципиально не меняется), то выполняется следующее простое соотношение. Коэффициент замещения, т.е. отношение пенсии к заработной плате, равен ставке пенсионных взносов, деленной на коэффициент возрастной нагрузки (который определяется как число пенсионеров, приходящихся на одного работника). Три эти величины связаны тождеством, поэтому, когда меняется одна из них, две другие не могут оставаться стабильными.

В нашей стране, как и в других странах, идет процесс старения населения. Если мы посмотрим на долгосрочные прогнозы ООН, то увидим, что в России только что закончился короткий период улучшения демографических пропорций, когда улучшалось соотношение числа людей в пенсионном возрасте к числу людей в рабочем возрасте. Теперь мы вступили в длительный период, который продлится до середины XXI в., когда эта пропорция будет ухудшаться. За ближайшие 40 лет такое соотношение (оно называется коэффициентом демографической нагрузки) ухудшится у нас в 2,3 раза. Это фундаментальный вызов для пенсионной системы. Мы должны понимать, как мы будем отвечать на этот вызов. Поскольку в соотношении, о котором шла речь, фигурируют только три величины, то соответственно есть три принципиальных способа (пути) реакции.

Первый путь: мы адаптируемся к ухудшению демографии за счет привлечения дополнительных ресурсов, т.е. увеличения финансирования. Это путь, который реализован в 2010 г. –

у нас тогда резко возросли трансферты из федерального бюджета, были повышены ставки пенсионных взносов. Оказывается, что требуемые здесь дополнительные ресурсы очень велики. Идя по этому пути, к 2050 г. мы должны либо довести ставку социальных взносов до 70%, либо дополнительно перераспределить 10% ВВП в пользу пенсионной системы, что, мягко говоря, представляется не очень реалистичным. Кроме того, при этом сценарии нарушается баланс между разными поколениями. В рамках распределительной системы пенсия каждого поколения формируется за счет взноса следующего поколения. Если мы увеличиваем финансирование, то тем самым повышаем налоговую нагрузку на следующее поколение. Но, когда оно достигнет пенсионного возраста, на следующее поколение придется еще больше повысить нагрузку. В принципе это не что иное, как финансовая пирамида в ее чистом виде: каждое поколение платит больше предыдущего и получает больше, чем заплатило. Такая политика – это путь построения государственной финансовой пирамиды, следовательно – дорога в никуда.

Второй путь, по которому сейчас пытаются пойти многие продвинутые страны, связан с ограничением роста пенсионных обязательств государства. Он подразумевает, например, жесткую индексацию назначенных пенсий только на инфляцию, коррекцию размеров вновь назначаемых пенсий с учетом увеличивающейся ожидаемой продолжительности жизни и т.д. В этой же плоскости отчасти лежит и введение накопительных систем, поскольку они так устроены, что там в принципе не может возникнуть избыточных обязательств. Но является ли этот путь устойчивым? На мой взгляд, нет. Фундаментальная причина ухудшения демографических пропорций – это увеличение продолжительности жизни. Если в когорте увеличивается продолжительность жизни, то, получив такой же суммарный пенсионный трансферт, как предшествующая когорта, данное поколение обнаружит, что из-за увеличения длительности жизни размеры пенсий уменьшатся (такой же трансферт делится на более длительный срок получения пенсии). Значит, внешне для этой когорты будет наблюдаться падение коэффициента замещения, увеличение разрыва между пенсиями и заработной платой. Тем самым появляется предмет для распределительного конфликта – новая когорта, у которой падает коэффициент замещения, начинает оказывать давление на правительство с тем, чтобы увеличить финансирование пенсий. И, учитывая большую политическую влияние пенсион-

неров, можно ожидать, что правительству придется уступать, и мы тогда будем регулярно скатываться к первому варианту – к «пирамиде».

Говоря о политикоэкономическом аспекте, нужно учитывать политическую силу пенсионеров. Сейчас у нас формально 37% электората составляют пенсионеры. И их доля будет расти, к середине века она превысит 50%. Но фактическая электоральная активность пенсионеров еще выше (так как они активнее участвуют в голосовании), поэтому уже сегодня, если говорить об эффективном электорате, доля пенсионеров больше 40%, и на уровень 50% мы выйдем гораздо раньше. Получается, что политика будет все больше сдвигаться в сторону увеличения трансфертов пенсионерам, в сторону построения пирамид, а в более общем плане – в сторону предпочтения интересов потребления по сравнению с интересами развития.

Третий путь – это коррекция соотношения между числом работников (плательщиков взносов и налогов) и числом пенсионеров. Есть разные способы такой коррекции. Но систематический способ есть только один – повышение пенсионного возраста. Если мы будем регулярно корректировать пенсионный возраст так, чтобы сохранять неизменным соотношение между продолжительностью работы и пребыванием на пенсии, то у нас не возникает проблем вообще, потому что поддерживается стабильное соотношение между числом работников и пенсионеров, поддерживается тот же коэффициент замещения, не возникает повода для распределительного конфликта. Получается, что это единственный устойчивый с долгосрочной точки зрения способ ответа на демографические вызовы.

Но есть и еще один важный вывод: это не только единственный устойчивый способ решения проблемы старения населения, он является и оптимальным. Для того чтобы понять это, обратимся к первичному смыслу пенсий: почему вообще государство занимается тем, что организует пенсионную систему? С экономической точки зрения это оправдано тем, что обычно работники имеют короткий горизонт планирования – они недостаточно думают о своем будущем, и поэтому государство заставляет их в период трудовой деятельности сберегать средства на старость. Если мы исходим из этой концепции, то лучшая пенсионная политика состоит в том, чтобы имитировать те действия, которые предпринимал сам работник, вступающий на трудовой путь, если бы он имел достаточно далекий горизонт планирования, охватывающий всю его жизнь, и располагал всей полнотой информации.

Работ, в которых оценивается оптимальное с этой точки зрения поведение работника, пока нет. Но есть совсем свежие работы, которые рассматривают оптимальную реакцию работника на увеличение его продолжительности жизни. Представим себе: нет пенсионной системы, человек сам какое-то время работает, сберегает часть своих заработков, потом выходит на пенсию и живет на сбережения, при этом сам выбирает, когда выходить на пенсию и сколько сберегать. Оказывается, что при достаточно общих предположениях и условиях оптимальная реакция человека в такой ситуации на увеличение его продолжительности жизни – это более длительная работа при примерном сохранении соотношения между работой и пребыванием на пенсии и при сохранении доли заработка, откладываемой на старость.

Таким образом, оказывается, что оптимальный для граждан и единственно устойчивый ответ на повышение длительности жизни – повышение пенсионного возраста при сохранении пропорции между трудом и отдыхом. Теоретически для реализации этой рекомендации возможны два препятствия. Одно – со стороны рынка труда, но у нас демографический прогноз таков, что с нынешнего года начинается затяжной период сокращения численности рабочей силы. Трудовые ресурсы скоро станут остро дефицитными, следовательно, повышение пенсионного возраста не

создаст проблем на рынке труда, а напротив, поможет их смягчить. Второе потенциальное возражение – в состоянии ли работники дольше работать с точки зрения состояния своего здоровья. Исследования показывают, что вместе с общей длительностью жизни примерно пропорционально растет продолжительность здоровой жизни. Об этом говорит анализ данного показателя, рассчитываемый Всемирной организацией здравоохранения.

В целом можно сказать, что повышение продолжительности жизни само по себе является благом для людей, они получают от этого огромный выигрыш. Сохранение неизменного пенсионного возраста означало бы, что они используют дополнительные годы на отдых, либо снижая уровень жизни в этот период, либо увеличивая ставки пенсионных взносов в трудовой период, либо перекладывая свое содержание на следующие поколения. Политика повышения пенсионного возраста дает возможность избежать всех этих «ущербных» вариантов: не снижать уровень жизни пенсионеров, не ухудшать положение нынешних работников, как и всех последующих поколений. Системной альтернативы такому варианту еще никто не предложил.

Литература

Кудрин А., Гурвич Е. (2012). Старение населения и угроза бюджетного кризиса // *Вопросы экономики*. № 3.

Поступила в редакцию 26 июня 2012 года.

Б.С. Кашин

Отделение математики РАН, Комитет по финансовому рынку
Государственной думы, Москва

Пенсионной реформе – научную основу

Хорошо, что нас собрали «Журнал новой экономической ассоциации» и Национальный инвестиционный фонд, но естественной площадкой для обсуждения учеными пенсионных проблем является РАН. Я обсуждал вопрос об участии РАН в анализе пенсионной реформы с двумя вице-президентами РАН – А.Д. Некипеловым и В.В. Козловым – и нашел полное взаимопонимание. Пенсионная тематика, если говорить о макроэкономических аспектах, имеет междисциплинарный характер – экономики и математики. Экономика в этом смысле явно недорабатывает, если даже в таких вещах, как статистические данные, у экспертов нет согласия. По мнению одних, инфляция составляет 6%, по мнению дру-

гих – 20%. Это действительно вопрос науки, который должен быть решен. Я считаю, что двум отделениям РАН следует создать рабочую группу, организовать семинар и обсуждать вопросы пенсионной сферы на серьезном научном уровне.

Теперь несколько комментариев по теме круглого стола. Прежде всего – о понятии «устойчивость пенсионной системы». Мы все-таки должны анализировать будущие преобразования в пенсионной сфере на научной основе, и такой критерий устойчивости, как «способность в достаточной степени обеспечивать интересы пенсионеров», с моей точки зрения, бессмысленная формулировка. Она ничего не проясняет, а только запуты-